

The book cover features a romantic couple in a close embrace. The woman, with long blonde hair, wears a bright yellow blazer over a red velvet dress. The man, with dark hair, wears a red velvet blazer over a purple shirt. They are surrounded by ethereal, flowing smoke or mist in shades of purple and blue. The title and author's name are at the top, and the book title and volume are at the bottom.

Миана Кафи

Сбежать от дракона,
пока тлеет пепел

18+

книга первая

Миана Кафи

Сбежать от дракона, пока тлеет пепел

<https://litres.ru/73912101>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она поняла, что попала в ловушку, этот брак был ошибкой.

Теперь она почти свободна, остались только формальности. После очередного судебного процесса Алиса поддаётся импульсу и сворачивает в бар.

Всю ночь она танцевала со зверем в человеческом обличье. Их тела говорили на языке, не нуждающемся в переводе. А после, когда он уже предвкушал самое интересное, она просто исчезла.

Драконы такого не прощают. Даже полукровки.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Миана Кафи

Сбежать от дракона, пока тлеет пепел

Глава 1

«Лис нашёл новую забаву»

Алиса не собиралась никуда заходить. Просто шла мимо витрин, мимо луж, мимо запахов жареного лука из какого-то окна, как вдруг остановилась, прямо перед дверью с алой вывеской: «Красный журавль».

Она постояла секунду, рассматривая своё отражение в тёмном стекле, и вдруг вспомнила, как она в студенческие времена выходила из танцевальных клубов прямо под утро. И сразу на пары, где могла немного подремать, если что соседка толкнет. Тогда она неплохо танцевала и даже несколько раз диджей присваивал ей титул «королева танцпола». Была у неё подружка Ленка, с которой они вместе ходили по этим местам, и Ленка всегда говорила: «Алиса, ты как зайдёшь сразу всё, мужики у твоих ног, как ты это делаешь?». И они ржали потом в какой-нибудь круглосуточной шаурмичной, потому что нормально поесть после стольких часов тряски уже не могли, только жирное и солёное.

Лёгкая тоска промелькнула в её глазах, когда дверь бара приоткрылась и из неё вывалился молодой мужчина, в слегка весёлом состоянии. Он долго смотрел на неё, будто оценивал, потом презрительно фыркнул. Алиса мысленно возмутилась: «Можно подумать, себя то вообще видел? А я как раз с таким и развожусь, прямо сейчас!»

Сегодня было последнее заседание, когда нет детей, то разводят быстро. Если бы он ещё не устроил этот цирк! Вообще он не был плохим и не запрещал ничего, но она сама потеряла в этом смысл. Ей не нужно было внимание других мужчин, а свой всё равно ничего не замечал. Её это устраивало, но только пока она была его женой. Теперь же она надела самое сияющее платье, а поверх платья самый яркий пиджак. Это одежда её юности, с тех пор она несколько не изменилась и легко влезла в старые шмотки. Немного непривычно, после бежевого-серой палитры, но ладно. Муж забрал свой хлам ещё неделю назад. Теперь уже можно называть его бывшим? Она уже выкинула всё, что хранило в себе его запах и даже устроила сквозняк. Не помогло, запах всё равно чувствовался, когда она закрывала глаза. Возможно это был не его запах, а запах её одиночества с ним.

Она уже и сама не понимала, как оказалась среди танцующей толпы и её тело само вспомнило всё, что она столько лет держала в узде. Каждый изгиб, каждое движение бёдрами будто ритуал по изгнанию тех бесцветных лет брака, где супруг, сам того не ведая, закапывал её внутренний пламень.

Теперь она могла ни на кого не оглядываться, родители и друзья всё равно не одобрили её решение развестись, коллеги только шептались за спиной, мол, серая мышь, не удивительно, что он и её бросил.

Как так получилось, что она осталась совсем одна? В тот момент, когда ей больше всего нужна была поддержка.

Она, конечно, знала ответ и теперь не боялась думать об этом без привычных смягчающих оправданий. Она всегда была одна, и это больше не пугало. А её неутолимая жажда жизни, обжигающая страсть, трепетное отношение к себе и даже взгляд в зеркало были частью внутреннего огня. И только ей решать, с кем делиться этим сокровищем, и делиться ли вообще.

Боль, злость и обида выходили из неё красиво. Может быть не так грациозно и отточенно, как она себе представляла, но ей было всё равно.

Линия плеч, груди и рук в такт тяжёлым прерывистым би-там, и с каждым следующим ударом из памяти стирались все эти «ты же понимаешь, Алиса, это не прилично», «Разводиться в твои-то годы, что подумают люди», и даже то снисходительно-насмешливое «бедняжка, как же ты теперь».

Люди расступались, но она не замечала. Она танцевала за каждый вечер, когда ложилась в десять, потому что ночь не обещала любви. Горячей, пылкой, холодной... никакой. За прикосновения, которых не было. За так и не случившиеся томные взгляды и сладкие речи шёпотом прямо на ушко, и

мерцающие от капель пота тела в полупрозрачном свете. Она танцевала даже за ту девчонку в дырявых джинсах, с красной помадой, размазанной после первого поцелуя, которой была когда-то до брака.

Когда музыка затихала, зал захлопал.

Диджей что-то весело и громко крикнул, а прямо на её голову опустилась блестящая картонная корона.

Алиса засмеялась, на душе стало неожиданно легко.

Обмахивая себя раскрытой ладонью, словно веером, она устроилась на барном стуле. За стойкой было прохладнее и бармен, хитро улыбаясь и подмигнув одним глазом, поставил перед ней стакан воды. Жар с щёк не уходил, бёдра как будто ещё двигались по инерции. Где-то в глубинах разума ещё звучал этот ритм, и она не торопилась его отпускать.

Она даже не заметила, как к ней потянулись мужчины, окружая её. Сначала тот парень, который фыркнул у входа, теперь смотрел с нескрываемой похотью. Его оттолкнул другой, с цепью на шее и запахом дорогого парфюма и едкого пота одновременно. Потом ещё двое, и ещё. Она их не замечала, она была погружена в музыку и растворялась в ней.

Она так же не заметила, как быстро они отстранились, когда он оказался рядом. Алиса вообще не обращала ни на что внимания, как если бы существовали только она, корона на голове и музыка. Пока не услышала над самым ухом его низкий, с легкой, едва заметной хрипотцой голос. Ровно такой, чтобы запомнился.

— Ты сейчас сгоришь, я вижу.

В голосе слышалась насмешка, вроде и не грубая, но почему-то Алисе захотелось ответить что-то едкое и резкое. Она не ответила, даже не посмотрела на него, не время для флирта. Только сделала глоток воды и снова вышла на танцпол.

Ли Хуан не привык отпускать добычу, он был рождён победителем. Лисья кровь шептала ему ритм, драконья добавляла огня.

Он прижимал её к себе так, что между их телами невозможно было просунуть и лепестка. Его бёдра двигались синхронно с её, как будто они уже занимались этим раньше, в прошлой жизни, в другой постели, под другим небом.

Алиса не могла оторваться от его янтарных глаз, с каким-то странным, почти звериным сужением зрачка. Она решила, что это просто свет. Свет в баре может исказить лицо так, что родную мать не узнаешь. Этот взгляд завораживал, как его изумительное лицо с острыми, жесткими скулами.

Он смотрел на неё с таким видом, будто уже знал, чем закончится этот вечер. И от этого знания в его пальцах появилась неторопливая, почти ленивая уверенность. «Слишком просто», думал он.

Она смеялась в его чуть изогнутые, в нахальной улыбке, губы без капли страха, она вела почти на равных. Ей казалось, что она контролирует этот танец, что задаёт темп и дистанцию. Что в любой момент может остановиться, развернуться и уйти, как сделала это некоторое время назад у бар-

ной стойки.

Алиса ошибалась.

Он смотрел на неё с нескрываемым голодом и понимал, если бы они упали на горизонтальную поверхность прямо сейчас, совместимость была бы абсолютной.

Несколько песен спустя она снова подошла к бару. Несколько прядей волос выбилось из строгой прически, она распустила их полностью и слегка увлажненные они упали на плечи. Бармен довольно улыбнулся уголком губ и поставил перед ней стакан со льдом, лаймом и листьями мяты.

Она уже поднесла стакан к лицу, как кто-то коснулся её локтя.

Алиса повернула голову. На неё смотрела красивая, дорого одетая женщина. В глазах читалось грусть от непреодолимого желания обладать чем-то недостижимым. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, и Алиса уже знала что именно. Она видела это сотни раз, от мамы, от подруг, от тех кто жил не той жизнью, которой хотел бы.

— Послушай, он не тот, кем кажется, — начала женщина, но голос сорвался, потому что между ними вдруг выросла чужая спина.

Ли Хуан даже не коснулся её, как можно, даже не посмотрел. Просто встал так, что женщине пришлось сделать шаг назад.

Женщина горько сглотнула, поджала губы и растворилась в толпе.

Алиса даже бровью не повела. Она уже наслушалась этих предупреждений, когда каждый считал, неизвестно почему, что он лучше знает как ей надо жить. Она допила воду, поставила стакан на стойку и, не глядя на Ли Хуана, скользнула мимо него обратно на танцпол.

Он не пошёл за ней сразу, пару секунд наслаждался её отнюдь не плавными движениями и упивался тем, как другие парни желали её. Его драконий взгляд видел всю картину целиком, весь зал, и парня у колонки, что застыл с открытым ртом и гренкой у лица, пару девушек в углу, они показывали на неё пальцами и шептались с круглыми глазами, а кто-то из мужчин, надо признать, в отличной форме и стильной причёске, попытался подойти ближе, но вовремя заметил Ли Хуана и сделав вид, что ему срочно нужно в другую сторону. Другая женщина с густо дымящимся чаем, смотрела с такой злобой, будто Алиса украла у неё что-то очень личное. Может, и украла. Но Алисе было плевать.

Его сущность лиса довольно шурилась, предвкушая победу, хороший трофей, давно таких не было. А дракон раздувал ноздри, не только из-за манящего запаха её кожи и духов, было что-то ещё. Возможно это её влечение к нему, без оглядки на правила. Её жажда наверстать упущенную жизнь.

Ли Хуан уже считал секунды, подловив момент он резко притянул её к себе, обхватил так, что не вздохнуть. От такого у любой кокетки голову кружило. Алиса успела подставить ладони на его грудь и не смогла скрыть удивление, не про-

сто атлетичный, он какой-то нереально твёрдый, будто под кожей не мышцы, а металл. Она поймала себя на желании провести пальцами по этому телу, без ткани, без танца, просто так. В общем, она так и сделала. Он усмехнулся: «Все эти девицы слишком падки на мускулы, даже скучно от этого однообразия».

и его ладонь скользнула ниже её талии, вторая уже запуталась в её волосах на затылке, он готов был её поцеловать так, чтобы она забыла своё имя. И она этого хотела, он даже не сомневался в этом, ни на мгновение.

Бумс. Музыка сменилась.

Он моргнул всего на мгновение, не больше.

Но её уже не было в баре. Сначала он решил, что она просто отступила на шаг, растворилась в толпе, потому что так делают все, кто хочет поиграть в недотрогу. Он обвёл взглядом весь зал, знакомые лица, бездушные улыбки, чьи-то липкие пальцы на чужих бёдрах. Её нигде не было видно.

Ли Хуан медленно опустил руки, сжимая пустоту и, слегка прихрамывая, направился к выходу, всё ещё не веря, что она действительно ушла. Женщины никогда не уходили от него, напротив, от некоторых было весьма и весьма сложно отделаться. Но её тонкий, пряный запах, с горьковатыми нотками, уже растворялся в воздухе.

Он вышел из здания, предвкушая плохую игру кокетливой актрисы, которая якобы уже ждёт машину. Однако на уши её тоже не было, только мокрый асфальт, редкие прохожие

и где-то вдали хвост такси, сворачивающий за угол.

Алиса знала главное правило таких мест — уходить до того, как успеют спросить номер.

Она научилась этому трюку ещё в студенчестве, тогда эти «возбуждённые горячие парни» даже не запоминали её лица.

А сейчас сейчас он должно быть запомнил.

Он Ли Хуан. Полулис-полудракон. Его не бросают посреди танцпола, особенно, когда его тело уже гудит от желания.

Он не знал ни её имени, ни адреса, ничего. Но у него были нюх, чутьё и связи, о которых она даже не догадывалась.

Лис был разбужен и оскорблён. Дракон в груди разгорался гневом пополам с восхищением?

Тем временем Алиса уже смотрела в окно такси. Огни города проплывали мимо. Её бёдра ещё помнили его ритм. Под ладонями словно ещё вздымалась его широкая, горячая грудь.

«Домой», — сказала она себе. — «Это просто случайный незнакомец, я просто давно не получала внимания от мужчины».

Она почти убедила себя, как вдруг резкий скрежет железа, визг тормозов и звон разлетающегося на мелкие осколки стекла, чей-то истошный крик. Возможно даже, что это был её крик. В висок прилетело что-то твердое, может быть спинка переднего кресла, а может её собственная рука. Острая боль и темнота.

Она приходит в себя буквально на несколько минут. Го-

лова гудит, а во рту привкус крови и ещё чего-то химического, возможно, лекарства, которым брызгали на разбитую кожу. Вокруг суетились люди в форме, кто-то кричал «держите шину», кто-то матерился на водителя, который «выскочил на красный, сука такая».

Алиса попыталась повернуть голову, но боль прострелила от шеи до виска. Она пыталась пошевелить пальцами, когда услышала уже знакомый голос, низкий, с едва заметной хрипотцой и пробирающий до костей.

— Расступитесь, я врач.

Он склонился над ней, те самые глаза, янтарные, завораживающие. И усмешка в уголке губ, только теперь прикрытая маской профессионализма.

— Тише, — сказал он, и его пальцы — горячие, чуть грубоватые — легли ей на запястье, проверяя пульс. — Я тебя нашёл.

Ли Хуан наклонился ещё ниже, почти коснувшись щекой её щеки, и прошептал так, чтобы никто больше не услышал:

— От меня не сбегает, Алиса.

Глава 2

«Дракон слышал угрозы», часть 1

В палате было так тихо, что Алиса слышала, как капли в капельнице срываются одна за другой и как гудят лампы дневного света. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже приоткрыть веки. Что-то подсказывало ей, что она всё ещё жива, просто заперта где-то глубоко внутри собственного тела, и не может выйти наружу.

Послышались шаги, она узнала их сразу. Слишком долго она слышала их, когда бывший муж важно расхаживал по её квартире. Сейчас он переступил порог и немного потоптался на месте, оглядываясь нет ли свидетелей.

— Ну и видок, — произнёс он таким голосом, будто он смотрел на что-то забавное, но одновременно неприятное. — Надо же было так вляпаться. Хе-хе. Я думал, ты умеешь держать себя в руках, а ты, оказывается, вон что устроила.

В больницу он надел свой лучший пиджак — на выпускном он сидел безупречно. Но мужчина, кажется, немного располнел за последнюю неделю. Возможно, распух от голода. Или пиджак был куплен в те времена, когда он ещё следил за собой. В любом случае, сейчас это выглядело скорее нелепо, чем презентабельно.

— Значит, вот как, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Всю жизнь создавала проблемы, так и продол-

жаешь.

Бывший муж остановился у кровати, засунул руки в карманы и смотрел с нескрываемым торжеством. Очевидно, что он пришёл навестить супругу не из сочувствия.

— Сидела бы дома, как нормальная женщина, ничего бы не случилось. Нет, надо было обязательно куда-то поехать ночью, в каком-то такси, вся в этом своём... — он неопределённо повёл рукой в сторону её одежды, аккуратно сложенной на тумбочке, — в этом маскараде.

Алиса не ответила. Аппарат ответил за неё ровным сигналом.

— Я, между прочим, отпросился с совещания. — Он придвинул стул, но садиться не стал, так и остался стоять, держась за спинку. — Мне позвонили из больницы, потому что я всё ещё числюсь мужем. Формально. Пока ты тут разлёживаешься. Хе-хе-хе. Развод, между прочим, теперь откладывается, я узнавал.

Он стоял над ней, и она чувствовала запах его одеколона, который когда-то сама ему купила. В то время она думала, что сможет спасти отношения и делала разные сюрпризы. В тот раз он сказал, что она переплатила, потому что в «Ашане» такой же стоит в три раза дешевле. Сейчас этот запах смешивался с больничной стерильностью и его потным телом, вызывая рвотные позывы.

— Слушай, — он наклонился ближе, почти касаясь её лица своим, и она почувствовала его горячее и влажное дыха-

ние. Похоже он только что выпил кофе. — Я вообще тебя никогда не понимал. Думал ты нормальная женщина, скромная, без этих всяких выкидонов. Были красные флаги, конечно, но тускнели же.

Молчание собеседника придавало ему всё больше и больше уверенности.

— А ты, оказывается, просто ждала момента, чтобы всё испортить. Умная, да? Умная. Только умные одни не остаются, заметь. И с разбитой головой не валяются по больницам, пока мужу приходится за них краснеть.

Он помолчал, потом, решив, что тишина его не устраивает, продолжил:

— Решила поиграть в независимую женщину, но это просто смешно.

Он говорил едва слышно, не желая чтобы кто-то кроме неё мог случайно узнать постыдные подробности его жизни.

— Хе-хе-хе, эти жалкие выскочки, искренне считают, что годны на что-то кроме обслуживания мужей и рождения детей. А ты и с этим не справлялась, я вежливо терпел твою никчемность, другой бы на моем месте давно научил бы тебя как надо! И где твоя благодарность?

Он так увлёкся, что уже говорил в полный голос, сам того не замечая.

— Квартиру, которую ты пыталась отсудить, — она моя, понятно? И что что ты купила её задолго до знакомства со мной, я столько натерпелся! И я... Я в ней ремонт сделал,

забил гвоздь для картины, ты даже этого не смогла. Без меня ты никто.

В запале он говорил всё громче, совершенно не замечая этого.

— Ты просто жила там, потому что я тебе позволял. И сейчас ты просто должна была переписать её на меня. Но Бог всё видит, каждому воздаётся по заслугам, — теперь ты просто овощ, хе-хе-хе, справедливость восторжествовала. Карма в действии.

Он громко и самодовольно засмеялся, полагая что он во всём прав и победил эту жизнь. Но когда понял, что его смех у больничной кровати могут услышать и не так понять, резко оборвал смех, и продолжил еле слышно.

— Хотела унижить меня разводом, а теперь будешь моей женой пока мне не надоест, пока я не разрешу отключить тебя от аппарата.

Он продолжил, понизив голос до заговорщицкого шёпота:

— Хорошо, что ты в коме. Ты думала, кто-то будет тебя жалеть? Никто. Никто не понял с чего ты решила развестись, просто зажралась. И обнаглела.

Он вздохнул, выпрямился и пригладил волосы на затылке.

— Тебе просто надо было варить супы, да убираться — и жили бы мы нормально. Но нет, приспичило ей было подать на развод, устроить цирк в суде, требовать чего-то. И вот результат, — он обвёл рукой палату, — лежишь, как тряпка, и я даже не знаю, радоваться мне или плакать. С одной сто-

роны квартира теперь гарантированно моя. С другой, приходится теперь к тебе, раз в неделю, как хороший муж.. плакали спокойные вечера перед телевизором.

Он наклонился снова, и его голос стал совсем тихим, почти нежным, отчего стало ещё страшнее:

— Так что лежи, Алиса, и думай о том, какую ошибку ты совершила, когда решила, что можешь жить без меня.

Он замолчал, и в палате повисла тишина, нарушаемая только писком монитора. Алиса лежала неподвижно, но где-то глубоко внутри неё всё кипело. Теперь она точно знала: она не ошиблась. Она сделала всё правильно. И если она выживет — а она выживет, она уже решила это, — она больше никогда не позволит ему даже приблизиться к ней.

Мужчина обернулся на дверь, просто машинально, чтобы убедиться что никто его не слышит и обомлел. На пороге стояли врач и медсестра. Во взгляде медсестры мелькнуло что-то похожее на презрение, но она быстро взяла себя в руки, поправила маску и быстро прошла к капельнице.

— Вы закончили. — Безразлично произнёс врач, он стоял прислонившись к косяку с видом человека, зашедшего уточнить показания и теперь ждущего паузы. Лицо совершенно непроницаемое, что само по себе было уже плохим знаком.

Бывший муж не знал как долго они здесь стояли и сколько успели услышать, он замялся, и его голос, только что такой уверенный, вдруг стал каким-то сбивчивым, почти жалким:

— Ой, — сказал он, и это «ой» прозвучало так фальши-

во, что даже монитор, казалось, заморгал быстрее. — А вы давно здесь стоите?

Медсестра пожала плечами, делая вид, что проверяет показатели на приборе, но уголки её губ дрогнули, и она быстро опустила глаза, чтобы не выдать свою неприязнь.

— Достаточно, — ответил врач, подошёл к кровати и мельком проверил показания.

Алиса узнала его по той самой хрипотце, которая засела в её памяти с той ночи в баре.

— Я врач, — сказал Ли Хуан, ровным голосом, без тени эмоций. — Я хотел спросить у вас, как вы себя чувствуете, но, судя по голосу, вы чувствуете себя прекрасно.

Бывший муж обернулся, и на его лице мелькнула такая гамма эмоций, что это выглядело почти комично, если бы не было так жалко.

— Доктор, — начал он, пытаясь придать голосу уверенность, но она куда-то улетучилась, оставив только тонкий, заискивающий писк. — Я просто... разговаривал с... с женой. Знаете, семейный разговор, иногда нужно просто высказаться, ничего такого.

— Безусловно, — сказал врач, в голосе не было ровно ничего — ни осуждения, ни иронии, только ровный тон человека, занятого делом. — Женщину без сознания важно вовремя поставить на место. Я сам всегда так думал.

— Я просто. Она подала на развод до... до трагедии, и я хотел уладить некоторые формальности. Она ведь в коме, и

я думал, что, может быть, она не придёт в себя, и тогда... ну, вы понимаете, нужно заранее всё подготовить.

Ли Хуан, как будто у него было всё время мира, медленно обошёл его и встал с другой стороны койки, напротив бывшего мужа. Он был в белом халате, и это выглядело немного странно — такая хищная грация, вписанная в больничную форму, — но он держался так, будто этот халат был его боевой броней.

— Понимаю, — кивнул Ли Хуан, в его голосе появилась насмешка. — Вы отдали ей свои лучшие годы, а она решила уйти и оставить вас без штанов.

Бывший муж побледнел, и его челюсть слегка отвисла, но он быстро взял себя в руки и попытался улыбнуться.

— Я просто... я расстроен. Мы были женаты, и я ни разу и руки не поднял, хотя было за что! Одни эти тряпки чего стоят — он мотнул головой в сторону её одежды. — Но тут ладно, сама с горем пополам поняла, что не нужно. А я за все годы на других даже не смотрел, хотя кругом столько женщин и лучше её во всём и ...

— И? — перебил Ли Хуан, и в его голосе появилась такая искренняя заинтересованность, что даже Алиса, которая не могла видеть его лица, почувствовала, как он улыбается.

Бывший муж открыл рот, закрыл, открыл снова, но вместо слов из него вырвался только какой-то сдавленный звук, похожий на кашель. Он ещё не до конца понимал, союзник ему врач или он на другой стороне.

— Квартира её? — спросил Ли Хуан с академическим интересом.

— Ну, формально её, — мужчина слегка замялся, — но я же там жил, я же вкладывался...

— Морально?

— Что?

— Морально вкладывались, — повторил Ли Хуан. — Или физически тоже что-то сделали? Материально?

Геннадий открыл рот, закрыл, потом всё же ответил:

— Ну, я полки повесил. В коридоре.

Медсестра за спиной Ли Хуана закашлялась.

— Полки, — повторил он, как будто запоминал. — Понятно.

Ли Хуан сделал шаг вперёд, сокращая расстояние, и его голос стал мягким, почти сочувствующим.

— Женщины иногда бывают такими неблагодарными. Как будто кормить мужа, одевать, ублажать это не её прямое предназначение. Вы дали ей крышу над головой в её же квартире, а она что? Ушла! Даже не к другому, а просто в никуда! Это так нечестно. И вы имели полное право сказать ей всё, что думаете, пока она не может ответить.

Бывший муж растерялся. Он явно не ожидал такой поддержки и сначала настороженно покосился на Ли Хуана, но тот продолжал смотреть на него с неподдельным пониманием, почти по-мужски, с лёгкой усмешкой в уголках губ, и это, видимо, сделало своё дело.

— Да! — воскликнул он с такой готовностью, что у медсестры перекосило лицо. — Вот именно! Я дал ей шанс выполнять своё предназначение и даже не просил ничего взамен! И квартира, которая по праву должна быть моей! Я в неё вложился, ремонт сделал, а она... Я должен был бросить её ещё в первый год, но я думал, что она исправится. А она не исправилась! Стало только хуже, вечно лезла ко мне со своими греховными помыслами. И вот я уже думал наконец-то, пришла в себя, отстала, дак она на развод!

Ли Хуан кивнул, и Алиса, если бы могла, закатила бы глаза, потому что знала этот приём — он разыгрывал собеседника, как шахматную партию. Бывший муж, конечно, этого не замечал, потому что был слишком занят тем, чтобы выплеснуть всю свою желчь.

— Возмутительно, — продолжил Ли Хуан, делая ещё один шаг вперёд, так что теперь между ними оставалось не больше полуметра, — Вы ведь, кажется, упоминали, что она устроила цирк в суде. А что она там требовала, кроме квартир?

— Всё! — бывший муж уже вошёл в раж — слова лились потоком, будто плотину прорвало. — Она хотела забрать всё, что было в её квартире, и при этом сделать меня виноватым! Мол, я ничего не купил за всё время брака. А до брака я водил её в ресторан и цветы дарил, и... кольцо обручальное — бешеных денег стоило. Это что не считается? Я же для неё всё делал, а она...

— А она просто хотела жить, — перебил Ли Хуан, и его голос вдруг потерял всякую мягкость.

— Хе-хе-хе, да поживёт теперь. В коме. А Вы женаты?

— Нет, — сказал Ли Хуан, не отрываясь от бумаг.

— Вот и правильно, — с готовностью подхватил бывший муж, — пока не найдёте нормальную, которая понимает что к чему. Женщина — она должна знать своё место, я так считаю. А то ишь ты как, страх потеряли...

Бывший муж явно считал, что нашёл единомышленника, но Ли Хуан только посмотрел на него с леденящей душу яростью, что тот невольно отступил к стене.

— Доктор, я не знаю, что вы себе придумали, но я...

— У вас есть пять секунд, чтобы покинуть палату. — перебил Ли Хуан спокойным голосом. — И если я увижу вас рядом с ней ещё раз, я сделаю так, что вы пожалеете о том, что родились.

— Позвольте, — бывший муж выпрямился, голос стал обиженно-официальным, — я всё-таки пока ещё муж и имею полное законное право...

— Вы только что показали кто вы, — сказал Ли Хуан. — Я полностью согласен с принципом, что каждому своё место. Ваше место — за дверью.

— Это произвол! Я буду жаловаться главному врачу!

— Он мой сменщик. Передать что-нибудь?

Бывший муж попытался что-то сказать, но Ли Хуан сделал шаг вперёд, и тот, не выдержав, бросился к двери, чуть

не сбив медсестру с ног. Он выскочил в коридор, и его шаги эхом разнеслись по больничному коридору, стихая где-то вдалеке, как последний крик перед тем, как воцаряется тишина.

Медсестра, которая всё это время стояла у двери и с трудом сдерживала улыбку, наконец позволила себе рассмеяться, но коротко, прикрывая рот рукой.

— Ли Хуан, — сказала она, — я никогда не видела тебя таким. Этот тип просто слился, я даже не успела записать его данные.

— Ничего страшного, — ответил Ли Хуан, не оборачиваясь. — Мне не нужны его данные. Я запомнил его лицо. Иди, пожалуйста, проверь, нет ли у нас других пациентов, которым требуется внимание. Я побуду здесь.

Медсестра кивнула и выскользнула за дверь, оставив его одного с Алисой. Спустя время из больничного коридора слышалось перешёптывание медсестёр:

— Она ему нравится, — сказала одна из них. — Он никогда так не выглядел, когда заходил к другим пациентам.

— Да ну, что в ней такого? — спросила другая.

— Я не знаю. Но он опять сидит у её койки и наверняка держит за руку.

Пауза.

— Он никогда на работе...

— Я знаю. Поэтому и говорю.

Ли Хуан действительно подошёл к Алисе и сел на стул,

который стоял у изголовья. Он долго смотрел на её бледное, почти неживое лицо, на ссадину на виске, которую аккуратно перевязали, на руку, неподвижно лежащую поверх одеяла, и на иглу капельницы, которая торчала из неё, как назойливое напоминание о том, что она не может убежать от него сейчас, хотя, возможно, это было бы лучше для них обоих.

— Ну что, — сказал он тихо, почти шёпотом, — Я знаю, что ты всё слышала. Люди в коме часто всё слышат. Твой бывший муж — просто нечто. Ты сбежала от него не зря. Но запомни: тот танец, он не был доигран. Я доиграю его. Хочешь ты того или нет.

Он взял руку Алисы, которая лежала на одеяле и была такой холодной, что ему захотелось согреть её, и прикоснулся к ней губами, просто так, не думая о том, что это может быть непрофессионально или странно.

Лисья часть его природы была устроена без лишних рассуждений: что учуял — то твоё, вопрос только в том, когда взять. Лис не мучался сомнениями и не тратил время на самоанализ. Драконья часть добавляла к этому собственнический инстинкт такой плотности, что от него временами становилось тесно в груди, — а ещё достаточно выдержки, чтобы не действовать немедленно, потому что дракон умеет ждать и умеет выбирать момент.

Сейчас обе части сходились в одном: то, что лежало перед ним без сознания, уже было его — и это не нуждалось ни в её согласии, ни в каком-либо дополнительном обосновании.

— Слышишь? — прошептал он ей на ушко, склонившись так низко, что его волосы коснулись её кожи. — И не думай, что я шучу. Я всегда делаю то, что обещаю. Я тебя вытащу. Я возьму своё, так что потрудись прийти в себя.

Глава 3

«Дракон решил проблемы», часть 2

На другой день в одиннадцатом часу утра в холле появился человек.

Холл был из тех, что не стыдно показать в глянцевом журнале: мраморный пол, полированный до зеркального блеска, высокие колонны, между которыми висели картины в тяжёлых рамах. В воздухе витали ароматы цветов из огромной композиции у стойки регистрации, такие запахи не встретишь в обычной больнице.

Человек, который появился в этом холле, явно не вписывался в интерьер. Он натянул капюшон так низко, что из-под него торчал только кончик носа...

Этот человек долго придерживал дверь открытой, хотя никого не было, с опаской оглядывался по сторонам и почти крадущимися шагами наконец направился к стойке регистрации. Прямоком к женщине в очках неотрывно смотрящей в монитор.

Годы больничной работы вытравили у Тамары Игоревны способность удивляться. Теперь она встречала и пациентов, и их родных с одинаковым спокойствием и лёгким безразличием. Такое случалось, что посетители вели себя странно.

Человек подошёл, кашлянул — звук отозвался глухим

эхом в холле. Потом, будто подбирая смелость, кашлянул ещё раз, мельком скользнув взглядом по её бэйджику, прочёл имя и отчество, примеряя их на язык и подбирая интонацию. Только тогда она медленно подняла голову, всем видом давая понять, что её оторвали от дела, стоящего куда выше пустяковых вопросов.

Он, запинаясь, поздоровался, учтиво выговаривая имя и отчество — каждое слово давалось ему с усилием, и оттого звучало ещё более почтительно. В этой неловкой учтивости таилось что-то обезоруживающее: он словно сам не до конца верил, что имеет право здесь стоять, и потому старался выглядеть достойнее, чем был в эту минуту.

Удивительно, как люди его породы умеют бессознательно сплести вокруг себя этот едва уловимый ореол — тонкую паутину манер, интонаций, сдержанных жестов. Мы невольно начинаем верить тому, что они о себе декларируют, и в то же время не доверяем собственным глазам, будто реальность, подсмотренная краем взгляда, — это какая-то ошибка, досадное несовпадение с тем образом, который человек так старательно предъявляет миру.

— Тамара Игоревна.. Этот.. гхм, — он запнулся и нервно сглотнул, будто слова цеплялись за горло. — Скажите, пожалуйста.. врач, что.. э.. наблюдает мою.. жену, Алису он здесь?

Тамара Игоревна чуть приподняла брови и взглянула на него поверх очков — взгляд строгий, дотошный. В нём читалась не просто профессиональная собранность, а та осо-

бая настороженность, какая появляется у людей, привыкших держать в голове десятки чужих драм и ни одной не позволять себя задеть.

Разумеется, она сразу поняла, о ком речь. В отделении слухи расползаются тише шёпота, но вернее ветра, и женщина в коме невольно стала его звездой — той, вокруг которой всё крутится: врачи, смены, перешёптывания в коридорах. И вот он — её несчастный муж, застывший между надеждой и бессилием, чужой в этом стерильном мире, где даже тишина звучит как диагноз.

Мало того, что супруга ни жива ни мертва, так ещё и неизвестно, в каких отношениях она была с всеобщим любимцем Ли Хуаном — тем неприступным, но таким желанным, чьи обходы встречают улыбками, чьи назначения обсуждают с благоговейным придыханием. И теперь несчастный, и возможно даже жестоко обманутый, муж стоит перед Тамарой Игоревной, неуверенно переминается с ноги на ногу, будто боится, что лишний шаг нарушит хрупкое равновесие, и ждёт от неё не столько ответа, сколько хоть крупинцы ясности в мире, который вдруг стал сплошными вопросительными знаками.

— Фамилия пациентки?

Он назвал.

Тамара Игоревна неторопливо, с размеренной тщательностью листала журнал — каждая страница шуршала, подчёркивая его нетерпение.

— Лечащий врач сегодня не дежурит. Что-нибудь передать?

— Нет, ничего, — он торопливо мотнул головой, будто отгоняя лишние вопросы. — Я просто к жене зашёл. По-супружески. Имею право.

— Третий этаж, — сухо бросила Тамара Игоревна и тут же уткнулась в монитор, всем видом давая понять, что разговор окончен, а его будто уже и нет в комнате.

Он поднялся по лестнице, стараясь не шуметь, хотя ноги у него были тяжелые и походка — вразвалочку, от чего каждая ступенька скрипела, как живая. Поднявшись на третий этаж он остановился, чтобы осмотреть пространство вокруг, и незамеченным добраться до палаты, где на дверях висел листок с именем Алисы.

В коридоре второго этажа было пусто, только лампы гудели ровно и мертвенно-бело, и этот гул он помнил ещё с прошлого раза, когда он уже был здесь, разговаривал с ней, лежащей и неподвижной, и чувствовал себя в тот момент почти счастливым. Тогда он мог говорить всё, что хотел, и никто бы его не перебил.

Но теперь всё изменилось. Теперь между ним и его планами встал какой-то врач, который позволял себе слишком много и который, судя по всему, пришёл в её жизнь раньше, чем законный муж успел поставить точку в их браке. И это бесило его до скрежета зубов.

Он приоткрыл дверь, заглянул внутрь, убедился, что там

никого нет, кроме неё, и со злостью толкнул дверь в палату. Ещё раз оглянулся, и прошёл внутрь осторожно прикрыв дверь.

— Даже в коме умудряешься, — произнёс он едва слышно, с оглядкой на дверь, — портить мне жизнь.

Алиса лежала на кровати — такая же бледная, с капельницей, с монитором, который показывал ровные линии, но сейчас эти линии были слишком ровными, почти подозрительными. Так ему показалось. Он подошёл поближе, но не сел на стул, потому что он должен сохранять бдительность.

Ещё раз взглянув на дверь он постоял у кровати, неловко переминаясь с ноги на ногу. Потом сел на краешек стула, чтобы не расслабиться, и каждую секунду быть в готовности вскочить и броситься куда-то.

Он уставился на неё, не моргая. В этом взгляде мешались обида и растерянность. А поверх всего этого проступало торжество.

— Ну здравствуй, Алиса, — он низко склонился, так что капли пота с его лба упали прямо на её лицо, и начал шёпотом. Его голос периодически срывался на какое-то гнусавое «хе-хе», которое он не мог контролировать, когда был зол. — Ты, я смотрю, тут развлекаешься, да? Врачи тобой занимаются, уход, вип-палата, всё как у людей. А я, пока ты тут лежишь, должен теперь не только свою жизнь выстраивать, но и терпеть твои грязные игры.

Он остановился на мгновение, оглянулся на дверь, но за

ней было тихо, и это его немного успокоило.

— Я ведь думал, что ты просто.. просто всё поймёшь и вернешься, понимаешь? Ты сказала «я выбираю свободу вместо боли». Хе-хе, какой такой боли, скажи мне пожалуйста. Досталась же бесстыдная дрянь! Я и помыслить не мог, а ты.. ты уже нашла кого-то. Когда? Пока я ждал, что ты одумаешься, пока я пытался понять, как варить яйца, как включать стиралку, как жить вообще.

Его голос стал громче, но он снова оглянулся и приглушил себя, краем рукава стерев испарину со лба.

— Ты ещё в браке нашла себе этого.. чёрта в белом халате?! — голос его сорвался на хриплый крик, будто слова царапали горло. — Я, между прочим, огурцы вчера вечером жарил — вот до чего ты меня довела!

Он немного приосанился, явно восхищаясь собой.

— Как вдруг в дверь начали ломиться. В мою дверь! Звук был такой, словно кто-то хотел выбить её с петель.

Он взмахнул руками так, что задел капельницу и тут же судорожно стал ловить её, затаив дыхание.

— От неожиданности я вздрогнул всем телом, резко дёрнулся назад — продолжил он спокойнее, но напряжение в голосе нарастало, — и в ту же секунду почувствовал, как живот врезается в раскалённую конфорку. Сковорода полетела на пол с оглушительным грохотом, масло брызнуло во все стороны.

Он заорал, хватаясь за обожжённое место, и боль от ожога

и обиды разрослась ещё сильнее.

— Я живот об конфорку обжёл! — Прошипел он — Из-за твоего цирка! Живым животом — об раскалённую! Это всё изза тебя!

Он тяжело дышал, лицо исказилось то ли от боли, то ли от бессильной злости.

— Вот нагуляешься, вернёшься — а я уже не буду таким добрым и всепрощающим! Слышишь?! Не буду! А ты вернёшься. Приползешь, как миленькая. Куда ты денешься

Он ещё раз оглянулся — на этот раз показалось, что за дверью кто-то есть, но никого не было.

— Я даже не сразу понял, кто передо мной — то ли страховой агент, то ли из собеса: вид у него был такой привычно-деловой, будто он по долгу службы переступает порог чужих квартир без разрешения и в этом нет ничего из ряда вон.

Он зло сверкнул глазами, перед ним вспыхнула вчерашняя оскорбительная сцена; высокий, статный мужчина, весь с иголки, будто сошедший с обложки журнала, просто и даже с небрежной властью шагнул в дом. И не просто вошёл, а смёл ЕГО с пути, хозяина квартиры, (исключительно по мнению бывшего мужа) так, что собственные ноги вдруг стали чужими, а слова застряли в горле.

— Нет. Оказалось — доктор. Твой доктор. И явился он ко мне домой без звонка, без всякого предупреждения, с такой невозмутимой уверенностью, словно так и положено — врываться в чужую жизнь без стука, будто его присутствие

само по себе достаточное объяснение.

Он сжал кулак, но тут же разжал и оглянулся на дверь.

— И этот твой врач, Ли Хуан, он ведь мне всё объяснил, — продолжал бывший муж, и его голос снова стал почти шёпотом, но в этой приглушённой тишине звенела такая злоба, что казалось, воздух вокруг дрожит. — «У вас нет прав на квартиру», Да как же! Ты слышишь, Алиса? Решила отдать мою квартиру ему?

Он придвинулся ещё ближе, сжал кулаки, будто сам себя удерживал от того, чтобы не схватить её за плечи и встряхнуть, заставить услышать.

— Да он наиграется и бросит тебя! А я я всё для тебя делал! Всё терпел! Думаешь, ты кому-то нужна — разведёнка, детей родить не можешь, характер.. прости господи. Это ведь в тебе что-то не так, я сразу понял. Только говорить не хотел — чтобы не обидеть. Я же деликатный человек.

Он на секунду запнулся, будто споткнулся о собственное лицемерие, но тут же выправил шаг, снова упрямо выталкивая слова наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.